

МОЯ РОДИНА

Библиотека Ладовед.
SCAN. Юрий Войкин 2013г.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

МОЯ РОДИНА

СТИХИ, РАССКАЗЫ

МОСКВА* «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» • 1980

р
М87

РИСУНКИ И. ЗАХАРОВОЙ

М87 **Моя Родина: Стихи, рассказы/Рис. И. Захаровой.**— М.: Дет. лит., 1980.—32 с, ил. Школьная библиотека.

10 коп.

В книге стихи и рассказы русских писателей-классиков о родине: о городах Москве и Петербурге, о горах, о степи, лесе.

М 70802-407²⁰⁴⁻⁸⁰
101(03)80

Состав. Иллюстрации.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1980 г.

*

*

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.

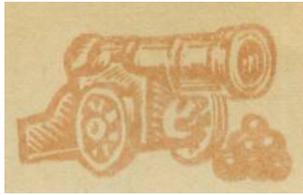
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям;
Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно.
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

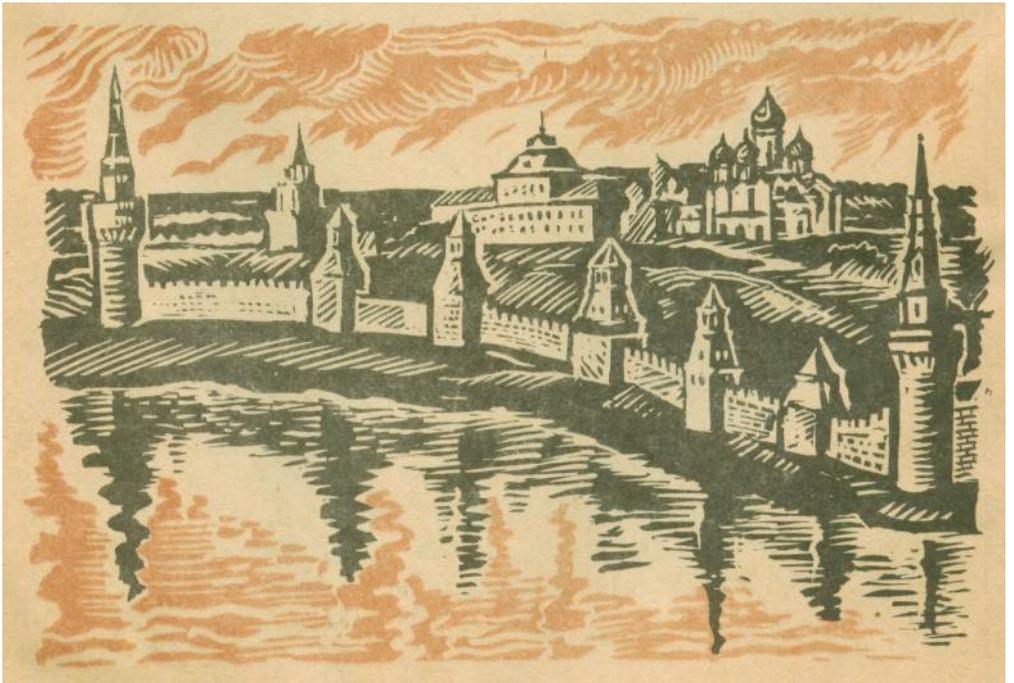
М. Лермонтов

МОСКВА

Город чудный, город древний.
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

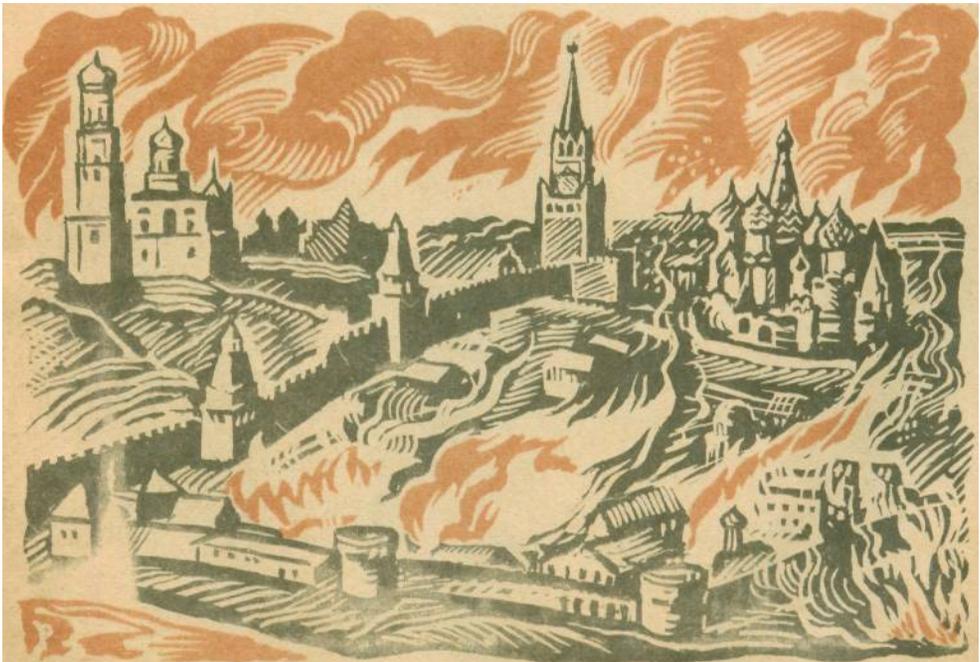

Исполинскою рукою
Ты, как хартия¹, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это *матушка Москва*.

Кто, силач, возьмёт в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьёт златую шапку
У *Ивана-звонаря?*..

¹ **Хартия** — старинная рукопись, написанная на длинном свитке из особой бумаги пергамента.

Кто *Царь-колокол* подымет,
Кто *Царь-пушку* повернёт?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе;
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе?..
Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела,
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный*, град *сердечный*,
Коренной России град!

Ф. Глинка

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой её гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла¹,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость

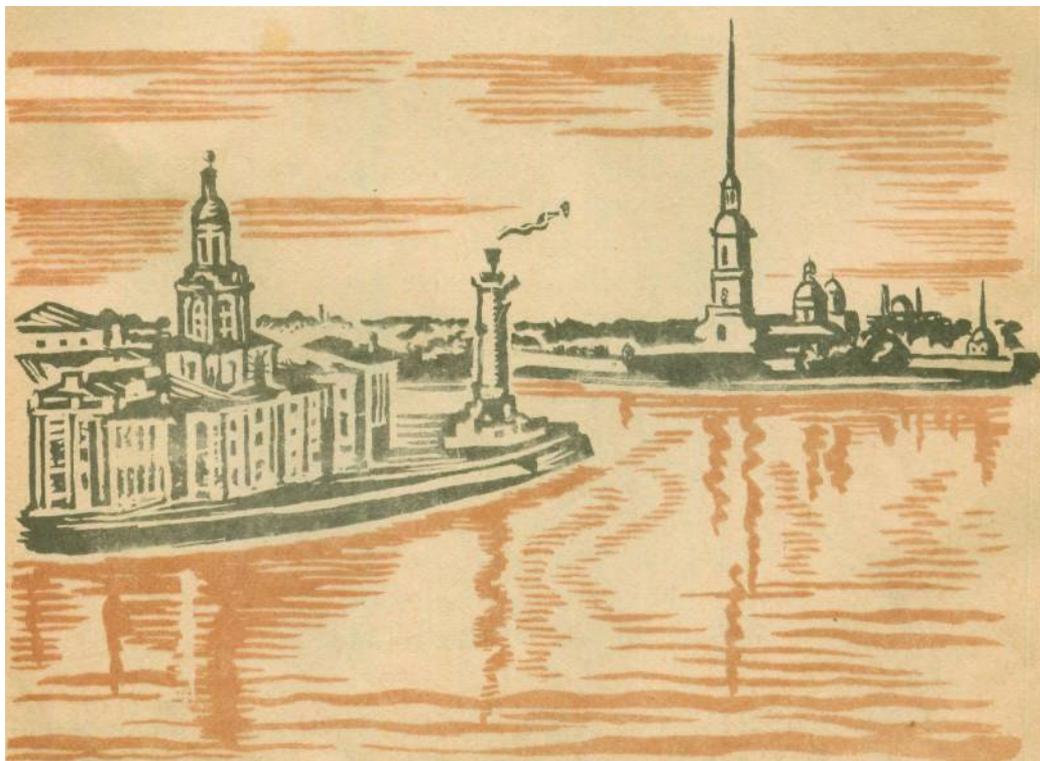
¹ Адмиралтейская игла -золочённый шпиль на здании Адмиралтейства в Петербурге (Ленинграде).

Потешных¹ Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамён победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни² дым и гром,
Когда полнощная³ царица

¹ Потешный — связанный с играми, зрелищами (главным образом, военными). Пушкин говорит о военных парадах, происходивших ежегодно в Петербурге на Марсовом поле — громадной площади — и в центре города.

² Твердыня — Петропавловская крепость, с которой в случаях особо торжественных или опасных (наводнение, ледоход на Неве) производили пушечные выстрелы.

³ Илнбщная — северная. Полнощная царица — русская царица.

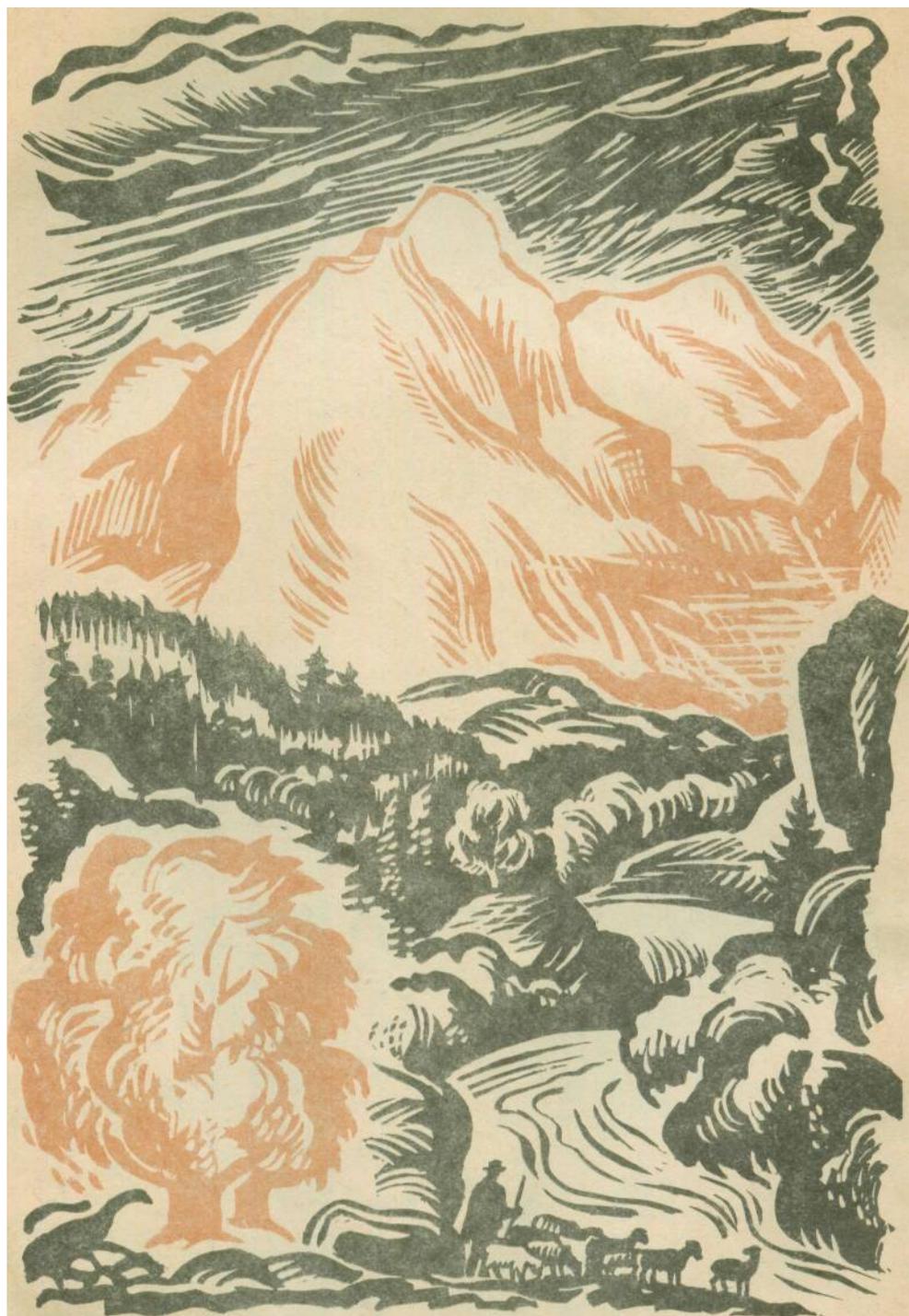

Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лёд,
Нева к морям его несёт
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побеждённая стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть во, инские забудут
И тщеп лобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

А. Пушкин

ГОРНАЯ СТРАНА

Живя посреди России, мы не можем составить себе ясного понятия о том, что такое горная страна. Наши невысокие, отлогие холмы, на которые въезжаешь, почти их не замечая, поднимающиеся много что на сто или полтора саженей¹, и по скатам которых мы видим всё одни и те же поля, леса, рощи, сёла и деревни, конечно, мало походят на высокие горы, вершины которых покрыты вечным снегом и льдом и, поднимаясь на три, на четыре версты² кверху, уходят далеко за облака. В равнине вы едете сто, двести вёрст, повсюду встречая одинаковые виды, одинаковую растительность, одинаковый образ жизни.

Не то в горах. Сколько разнообразия представляет даже одна большая гора, если взбираться на неё по дорогам, проложенным в долинах, а потом и по опасным горным тропинкам, которые извиваются по её уступам. Вам кажется тепло и даже жарко, когда вы стоите у подошвы горы: кругом лето, сады с поспевающими плодами и поля с созревшим уже хлебом; но запаситесь тёплой одеждой, если думаете добраться до вершины, потому что там встретит вас полная зима — снег, лёд, холод—и вы посреди лета легко можете отморозить себе руки и ноги. Запаситесь также прочными сапогами с крепкими подошвами, чтобы они не истерлись о камни, крепкой палкой с железным наконечником и про-

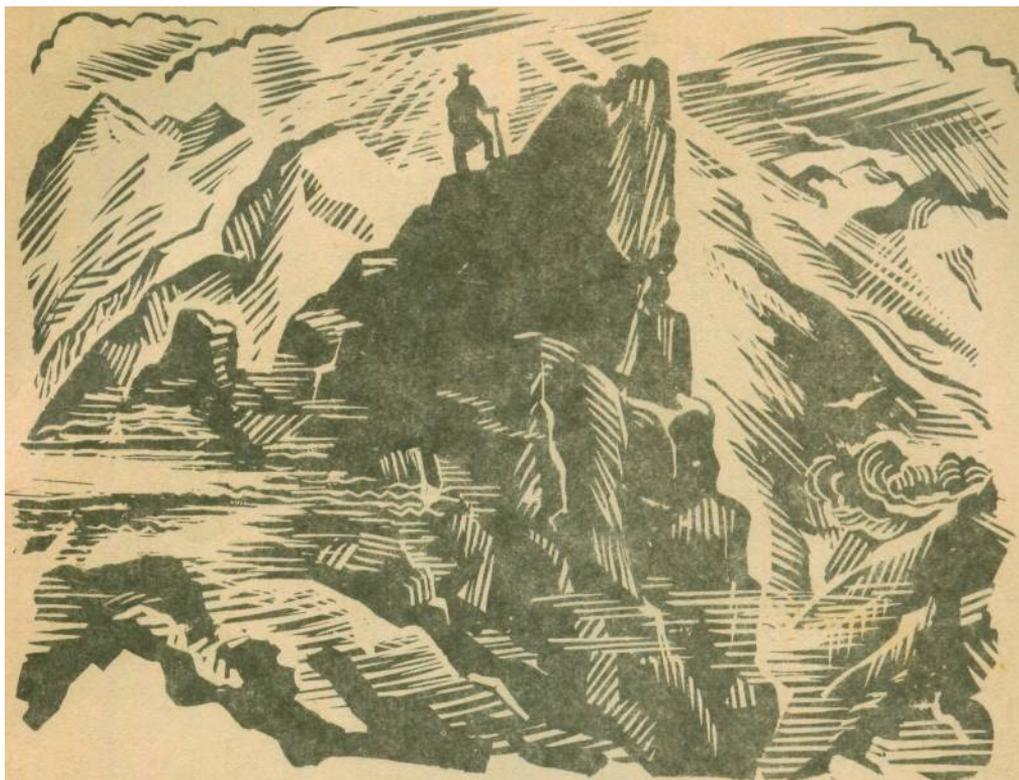
¹ Сажень — старинная мера длины, равная 2,134 м.

² Верста — старинная мера длины, немного более километра.

визией; но главное — запаситесь силой и терпением, потому что вам придётся неутомимо работать ногами целый день, а может быть, и два. Хотя вершина горы подымается только на три или на четыре версты, но это ведь считается в отвес, а чтобы добраться до вершины, вам придётся сделать пятнадцать или двадцать вёрст самого трудного пути по крутым уступам. Запаситесь также и смелостью, чтобы у вас не закружилась голова, когда, взобравшись на иной уступ, взглянете вниз. Но прежде всего, возьмите опытного проводника, потому что без него легко можно заблудиться между скалистыми вершинами горы, в её тёмных лесах, между бесчисленными ручьями и речками, скатывающимися с её боков, в её снежных полях и ледниках. Иногда, пожалуй, можно взобраться на такую вершину и зайти в такую глушь, в середину неприступных уступов или на край зияющей пропасти, что не будешь знать, как и выбраться. Надобно хорошо знать горные тропинки, чтобы пуститься в горы.

Подняться на высокоую, заоблачную гору-- большой труд; но труд этот окупается удовольствием. Сколько разнообразной растительности встретите вы от подошвы до вершины! Сколько разнообразия в образе жизни людей! Если гора, на которую вы взбираетесь, лежит в тёплом климате, то у подошвы её вы покинете лимонные и померанцевые рощи, выше встретят вас деревья умеренных стран: тополь, бук, каштан, липа, клён, дуб; далее найдёте вы угрюмые хвойные леса и лиственные деревья Севера: осину, берёзу. Ещё выше— и деревья уже прекращаются, цветов и травы даже очень мало, — только альпийская роза будет провожать вас до самой границы вечных снегов, да тощий мох напомнит вам о полярных странах, где он составляет почти единственную пищу северных оленей. Ещё выше — и вы вступите в страну вечных снегов, хотя, может быть, находитесь за несколько тысяч вёрст от полярного моря.

Внизу вы покинули шумные, деятельные города; поднявшись выше, встречали хорошенькие деревеньки, ещё окружённые обработанными полями и плодовитыми садами; далее вы не встретите ни полей, ни садов, а только тучные

луга в горных долинах и полюбуется на прекрасные стада; небольшие пастушьи деревеньки прислонены к горам, так что иной домик лепится у скалы, точно птичье гнездо; на крышах домов наложены рядами большие камни; без этой предосторожности буря, заревевшая на горах, могла бы легко снести крышу. Далее, вы ещё найдёте кое-где отдельные хижины горных жителей: это летние жилища пастухов, оставляемые зимой. Сочная, прекрасная трава привлекает сюда летом стада. Ещё выше—и вы не будете встречать уже человеческих жилищ. Цепкие домашние козы ещё лепятся по уступам; но ещё немного далее и вам попадутся, может быть, одни небольшие стада легконогих диких серн и кровожадные орлы; а затем вы вступите в страну, где нет ни растительной, ни животной жизни.

Как хороши и говорливы горные потоки, как чиста и холодна в них вода! Они берут своё начало в ледниках и образуются из тающего льда, начинаются маленькими, чуть заметными струйками; но потом эти струйки соберутся вместе — и шумный быстрый поток, то извиваясь серебряной лентой, то прыгая с уступа на уступ водопадом, то скрываясь в тёмном ущелье и снова появляясь на свет, то журча по камням, покатится вниз смело и быстро, пока не доберётся до более отлогой долины, по середине которой побежит уже спокойной и порядочной речкой.

Если буря не ревет в горах, то чем выше вы будете подниматься, тем безмолвней будет окрестность. На самой вершине, среди вечных снегов и льдов, где солнечные лучи, отражаясь от снеговых полей, ослепляют глаза, царствует мёртвая тишина; разве камень, сдвинутый вашей ногой, наделает шуму и стуку на всю окрестность.

Но вдруг раздаётся страшный и продолжительный грохот, повторяемый горным эхом; вам кажется, что гора дрожит под вашими ногами, и вы спрашиваете у проводника: «Что это такое?» — «Это лавина», — отвечает он вам спокойно: большая масса снегу сорвалась с вершины и, увлекая с собой камни, а пониже — деревья, стада, людей и даже дома пастухов, понеслась вниз по горным уступам. Дай бог, чтобы она не рухнула на какую-нибудь деревню и не похоронила под собой её домов и жителей. Лавины чаще всего скатываются с гор весной, потому что снег, напавший зимой, подтаивает.

Но если, преодолев все эти трудности и страхи, вы доберётесь, наконец, до высокой горной площади, где проводник посоветует вам усесться на камнях, позавтракать и отдохнуть, то будете вполне вознаграждены. Хотя здесь и довольно холодно и каждое сколько-нибудь сильное движение утомляет вас, сердце бьётся часто и дыхание ускорено, но вам как-то легко и приятно, и вы вполне наслаждаетесь величественной картиной.

Вокруг вас скалы, снежные поляны и ледники; повсюду видны пропасти и ущелья, вдали поднимаются вершины дру-

гих гор, то тёмные, то лиловые, то розовые, то отливающие серебром; а внизу вёрст на шестьдесят открывается зелёная, цветущая долина, врезающаяся далеко в горы; извиляющиеся по ней реки, блестящие озёра, города и деревни будто на ладони перед вами. Большие стада кажутся вам движущимися точками, а людей и вовсе не видать. Но вот под вашими ногами стало всё закрываться туманом: это облака стягиваются вокруг горы; над вами блестит яркое солнышко, а внизу из этого тумана идёт, может быть, проливной дождь...

К. Ушинский

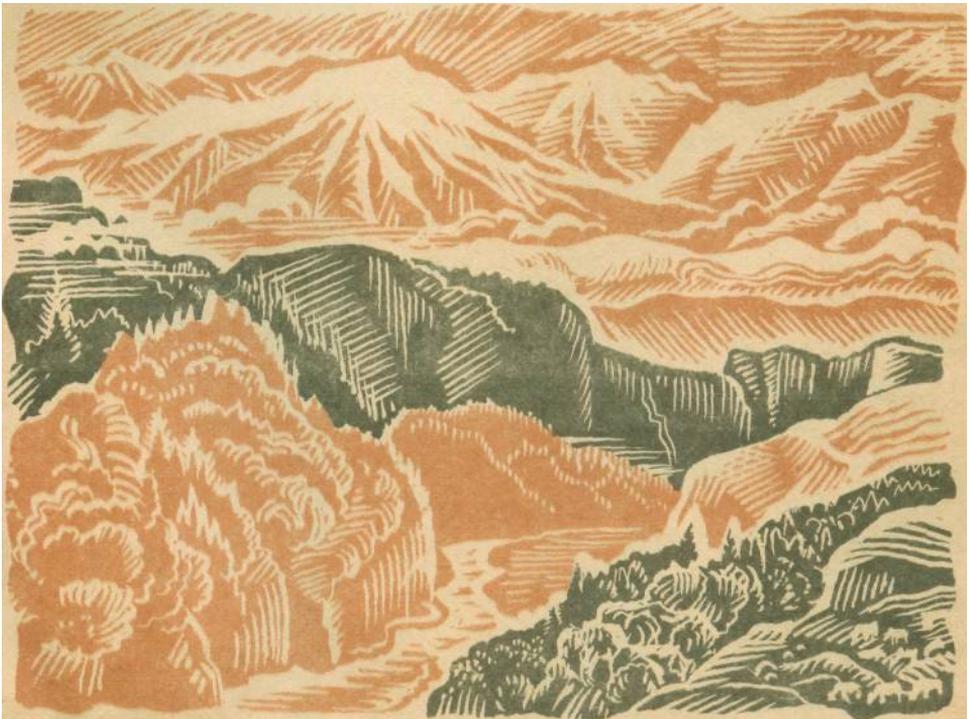

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орёл, с отдалённой поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе¹ я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утёсов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зелёные сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

Отселе (устаревшее слово) —отсюда.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь¹ нисходит к весёлым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воеет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьётся о берег в вражде бесполезной,
И лижет утёсы голодной волной...
Вотще!² нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

А. Пушкин

¹ Пастырь — здесь: пастух.

² Вотще (устаревшее слово) —напрасно.

МОРЕ

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твоё необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряжённая грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далёкое светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистого его:
Ты льёшься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются тёмные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя,—
Ты бьёшься, ты воешь, ты волны подьёмлешь,
Ты рвёшь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращённых небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

В. Жуковский

ВЕЧЕР В СТЕПИ

В июльские вечера и ночи уже не кричат перепела и коростели, не поют в лесных балочках соловьи, не пахнет цветами, но степь всё ещё прекрасна и полна жизни. Едва зайдёт солнце и землю окутает мгла, как дневная тоска забыта, всё прощено, и степь легко вздыхает широкою грудью. Как будто от того, что траве не видно в потёмках своей старости, в ней поднимается весёлая, молодая трескотня, какой не бывает днём; треск, подсвистыванье, царапанье, степные басы, тенора и дисканты¹ — всё мешается в непрерывный, монотонный гул, под который хорошо вспоминать и грустить. Однообразная трескотня убаюкивает, как колыбельная песня; едешь и чувствуешь, что засыпаешь, **но** вот откуда-то доносится отрывистый, тревожный крик неуснувшей птицы или раздаётся неопределённый звук, похожий на чей-то голос, вроде удивлённого «а-а!», и дремота опускает веки. А то, бывало, едешь мимо балочки, где есть кусты, и слышишь, как птица, которую степняки зовут сплжом, кому-то кричит: «Сплю! сплю! сплю!», а другая хохочет или заливается истерическим плачем — это сова. Для кого **они** кричат и кто их слушает на этой равнине, бог их знает, но в крике их много грусти и жалобы... Пахнет сеном, высушенной травой и запоздалыми цветами, но запах густ, сладко-приторен и нежен.

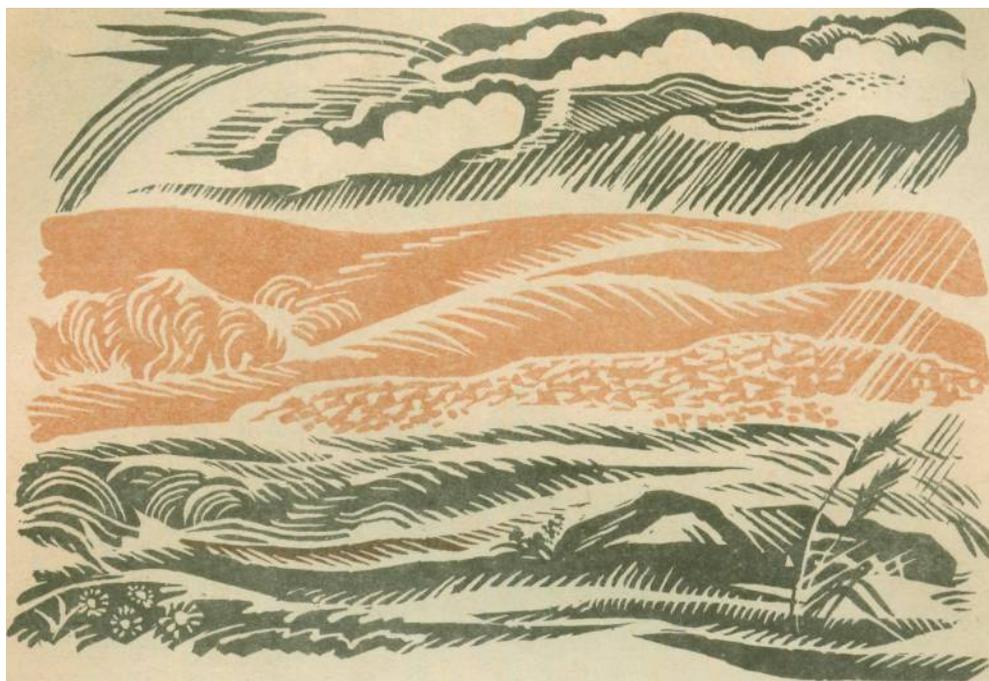
Сквозь мглу видно всё, но трудно разобрать цвет и очертания предметов. Всё представляется не тем, что оно есть. Едешь и вдруг видишь, впереди у самой дороги стоит силуэт,

¹ Бас — самый низкий мужской голос; тенор — **высокий** мужской голос; дискант — высокий детский голос.

похожий на монаха; он не шевелится, ждёт и что-то держит в руках... Не разбойник ли это? Фигура приближается, растёт, вот она поравнялась с бричкой, и вы видите, что это не человек, а одинокий куст или большой камень. Такие неподвижные, кого-то поджидающие фигуры стоят на холмах, прячутся за курганами, выглядывают из бурьяна, и все они походят на людей и внушают подозрение.

А когда восходит луна, ночь становится бледной и томной. Мглы как не бывало. Воздух прозрачен, свеж и тёпел, всюду хорошо видно и даже можно различить у дороги отдельные стебли бурьяна. На далёкое пространство видны черепа и камни. Подозрительные фигуры, похожие на монахов, на светлом фоне ночи кажутся чернее и смотрят угрюмое. Чаше и чаще среди монотонной трескотни, тревожа неподвижный воздух, раздаётся чьё-то удивлённое «а-а!» и слышится крик неуснувшей или бредящей птицы. Широкие тени ходят по равнине, как облака по небу, а в непонятной дали, если долго всматриваться в неё, высятся и громоздят-

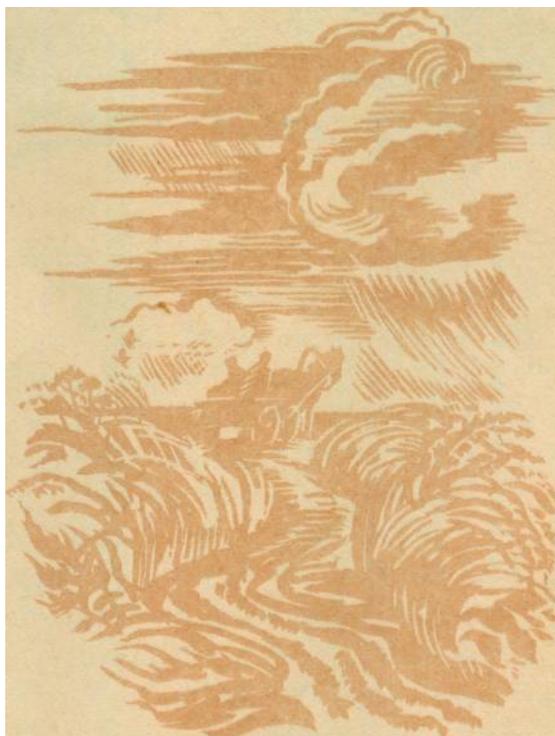

ся друг на друга туманные, причудливые образы... Немного жутко. А взглянешь на бледно-зелёное, усыпанное звёздами небо, на котором ни облачка, ни пятна, и поймёшь, почему тёплый воздух недвижим, почему природа настороже и боится шевельнуться: ей жутко и жаль утратить хоть одно мгновение жизни. О необъятной глубине и безграничности неба можно судить только на море да в степи ночью, когда светит луна. Оно страшно, красиво и ласково, глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова.

Едешь час-другой... Попадается на пути молчаливый старик курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда, бесшумно пролетит над землёю ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-степнячки и всё то, что сам сумел увидеть и постичь душою. И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в голубом небе, в лунном свете, в полёте ночной птицы, во всём, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, моло-

дось, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознаёт, что она одинока, что богатство её и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь её тоскливый, безнадёжный призыв: певца! певца!

А. Чехов

УКОРЫ

Море с голой степью говорило:
«Это ты меня солончаками
И полынью горькой отравила,
Жарко дую жёсткими песками!

Я ли не господняя криница?¹
Да не пьёт ни дикий зверь, ни птица
Из волны моей солоно-жгучей,
Где остался твой песок летучий!»

Отвечает степь морской пустыне:
«Не по мне ли, море, ты ходило,
Не по мне ли, в кипени и сини,
За волной волну свою катило?

Я ли виновата, что осталась,
В час когда со мной ты расставалось,
Белой солью кипень снеговая,
Голубой полынью синь живая?»

И. Бунин

К р и н и ц а — колодец.

ЛЕС

Шуми, шуми, зелёный лес!
Знаком мне шум твой величавый,
И твой покой, и блеск небес
Над головой твоей кудрявой.
Я с детства понимать привык
Твоё молчание немое
И твой таинственный язык
Как что-то близкое, родное.

Как я любил, когда порой,
Краса угрюмая природы,
Ты спорил с сильною грозой
В минуты страшной непогоды,
Когда больших твоих дубов
Вершины тёмные качались
И сотни разных голосов
В твоей глуши перекликались...

Или когда светило дня
На дальнем западе сияло
И ярким пурпуром огня
Твою одежду освещало.
Меж тем в глуши твоих деревьев
Была уж ночь, а над тобою
Цепь разноцветных облаков
Тянулась пёстрою грядою.

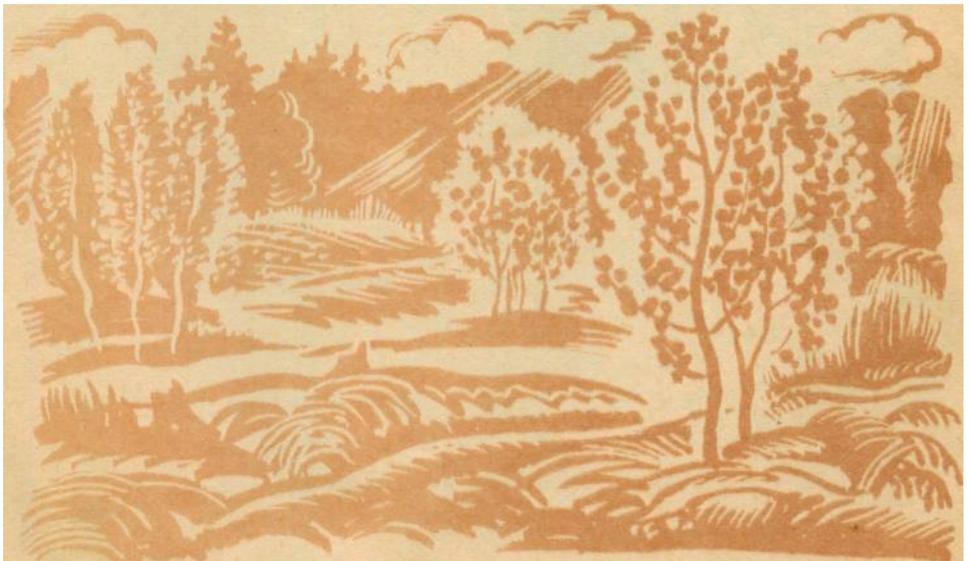
И. Никитин

* *

Погода была прекрасная, ещё прекраснее, чем прежде; но жара всё не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокие и редкие облака, изжелта-белые, как весенний запоздалый снег, плоские и продолговатые, как опустившиеся паруса. Их узорчатые края, пушистые и лёгкие, как хлопчатая бумага, медленно, но видимо изменялись с каждым мгновением; они таяли, эти облака, и от них не падало тени. Мы долго **бродили** с Касьяном по ссечкам. Молодые отпрыски, ещё не успевшие вытянуться выше аршина¹, окружали своими тонкими, гладкими стебельками почерневшие, низкие пни; круглые губчатые наросты с серыми каймами, те самые наросты, из которых вываривают трут, лепились к этим пням; земляника пускала по ним свои розовые усики;

¹ Аршин — старинная мера длины, менее метра.

грибы тут же тесно сидели семьями. Ноги беспрестанно путались и цеплялись в длинной траве, пресыщенной горячим солнцем; всюду рябило в глазах от резкого металлического сверкания молодых, красноватых листьев на деревьях; всюду пестрели голубые гроздья журавлиного гороху, золотые чашечки куриной слепоты, наполовину лиловые, наполовину жёлтые цветы Ивана-да-Марьи; кое-где, возле заброшенных дорожек, на которых следы колёс обозначались полосами красной мелкой травки, возвышались кучки дров, потемневших от ветра и дождя, сложенные саженьями; слабая тень падала от них косыми четверугольниками, — другой тени не было нигде. Лёгкий ветерок то просыпался, то утихал; подует вдруг прямо в лицо и как будто разыграется, — всё весело зашумит, закивает и задвигается кругом, грациозно закачаются гибкие концы папоротников, — обрадуешься ему... но вот уж он опять замер, и всё опять стихло. Одни кузнечики дружно трещат, словно озлобленные, — и утомителен этот непрерывный, кислый и сухой звук. Он идёт к неотступному жару полудня; он словно рождён им, словно вызван им из раскалённой земли.

И. Тургенев

МОЯ РОДИНА

(Из воспоминаний детства)

Мать моя вставала рано, до солнца. Я однажды встал тоже до солнца, чтобы на заре расставить силки на перепёлок. Мать угостила меня чаем с молоком. Молоко это кипятилось в глиняном горшочке и сверху всегда покрывалось румяной пенкой, а под этой пенкой оно было необыкновенно вкусное, и чай от него делался прекрасным.

Это угощение решило мою жизнь в хорошую сторону: я начал вставать до солнца, чтобы напиться с мамой вкусного чая. Мало-помалу я к этому утреннему вставанию так привык, что уже не мог проспать восход солнца.

Потом и в городе я вставал рано, и теперь пишу всегда рано, когда весь животный и растительный мир пробуждается и тоже начинает по-своему работать.

И часто-часто я думаю: что, если бы мы так для работы своей поднимались с солнцем! Сколько бы тогда у людей прибыло здоровья, радости, жизни и счастья!

После чаю я уходил на охоту за перепёлками, скворцами, соловьями, кузнечиками, горlinkами, бабочками. Ружья тогда у меня ещё не было, да и теперь ружьё в моей охоте обязательно.

Моя охота была и тогда и теперь — в находках. Нужно было найти в природе такое, чего я ещё не видел, и может быть, и никто ещё в своей жизни с этим не встречался...

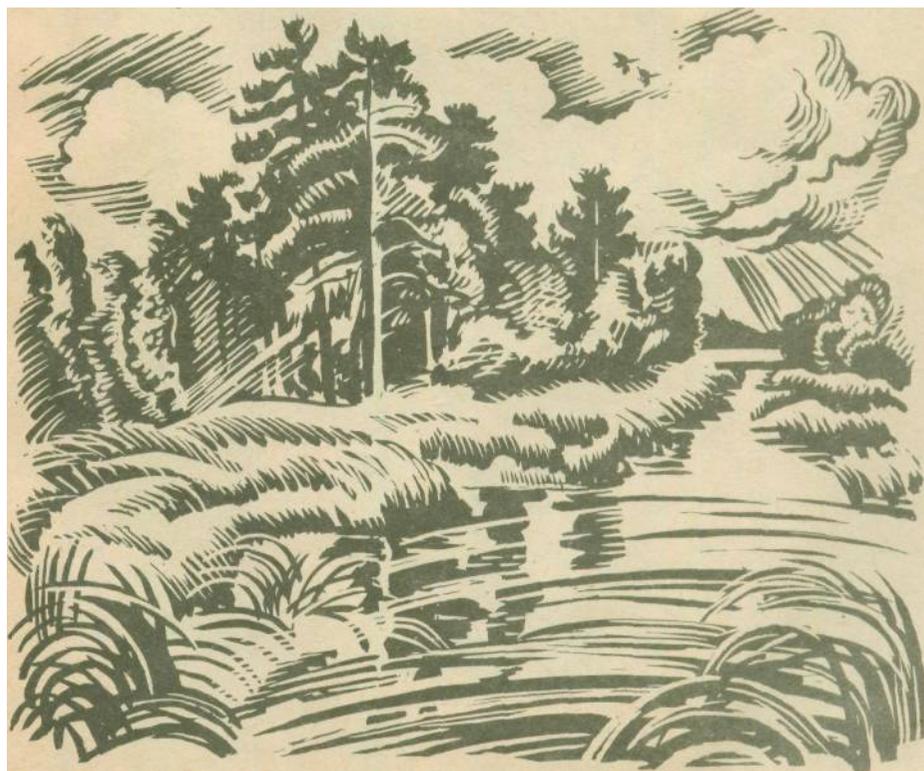
Хозяйство моё было большое, тропы бесчисленные.

Мои молодые друзья! Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти охранять — их надо открывать и показывать.

Для рыбы нужна чистая вода — будем охранять наши водоёмы. В лесах, степях, горах разные ценные животные — будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе — вода, птице — воздух, зверю — лес, степь, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу — значит охранять родину.

М. Пришвин

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>М. Лермонтов.</i> Родина	3
<i>О. Глинка.</i> Москва	4
<i>А. Пушкин.</i> «Люблю тебя, Петра творенье...» (Из поэмы «Медный всадник»)	7
<i>Л. Ушинский.</i> Горная страна	11
<i>А. Пушкин.</i> Кавказ	16
<i>В. Жуковский.</i> Море (Элегия)	19
<i>А. Чехов.</i> Вечер в степи ¹ (Из повести «Степь»).	21
<i>И. Вукиич.</i> Укоры	25
<i>И. Никитин.</i> Лес.	27
<i>И. Тургенев.</i> (Из рассказа «Касьян с Красивой Мечи»).	28
<i>М. Пришвин.</i> Моя Родина (Из воспоминаний детства).	30

Название дано редакцией.

д л я н а ч а л ь н о й ш к о л ы

М О Я Р О Д И Н А

Стихи, рассказы

ИБ № 4564

Ответственный редактор **Г. И. Гусева**. Художественный редактор **Е. М. Ларекая**. Технический редактор **Т. Д. Юрханова**. Корректор **Г. В. Русакова**. Сдано в набор 06.12.79. Подписано к печати 14.07.80. Формат 70X 100/16. Бум. офс. № 2. Шрифт литературный. Печать офс. Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 1,84. Тираж 3 000 000 экз. Заказ № 258. Цена 10 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.